ПОДЗЕМНОЕ СЕЛО.

- Подумаешь, Владиміръ-городокъ - Москвы уголокъ; и далече ли? Рукой подать: всего-то два-девяноста; и на большой дорогѣ, и мѣсто торговое. А что-то Божьяго благословленья нѣтъ: никто во Владимірѣ не разживался, истиннику не хватаетъ, купцы перебиваются кой-какъ и живутъ, словно только въ гости пріѣхали; и городъ бѣденъ, нѣтъ тамъ никому, что называется, ни наживы, ни покою, ни дна, ни покрышки.

- На все, братецъ ты мой, есть причина, сказалъ другой собесѣдникъ: - давнымъ-давно, еще знать при великихъ князьяхъ, владимірцы согрѣшили передъ Богомъ, посамовольничали, не приняли архипастыря, хотѣли своего, что ли, поставить.... хоть и давно было, а вотъ даромъ не прошло: и понынѣ зовутъ ихъ святогонами, и никакое дѣло у нихъ не спорится. Отцы терпкое поѣли, а на внуковъ оскомина пала....

- Нѣтъ, сударь ты мой, началъ третій: - вотъ Василь-Сурскъ городокъ, такъ ужь на томъ, видимо, лежитъ гнѣвъ Божій. Городъ на двухъ судоходныхъ, рыбныхъ рѣкахъ; мѣсто бойкое, самое торговое, рыболовство хорошее - кто сурской стерляди не знаетъ? она и въ Питерѣ и въ Москвѣ въ одной цѣнѣ со шекснинскою; и сбытъ на этомъ мѣстѣ всякому товару; внизъ и вверхъ по Сурѣ мѣста хлѣбородныя, земли обильныя, хлѣбная торговля, и обороты по ней большіе; проѣздъ на всѣ четыре стороны, разгонъ такой, что, казалось бы, одними постоялыми дворами надо городу разбогатѣть. А нѣтъ тебѣ вотъ ничѣмъ-ничего; бѣдность такая, что развѣ только съ голью потягается; городъ обнищалъ, народъ измошенничался - голышъ на плутѣ, плутъ на голышѣ, да плутомъ погоняетъ.... А отчего? Нѣтъ Божьяго благословенья. Когда, въ старинные годы, васильсурцы стали вдругъ наживаться, какъ повалила имъ деньга со всѣхъ сторонъ, такъ они забыли Бога, забыли и добрыхъ людей. Три

церкви у нихъ развалились, а имъ не до того было, чтобы, себя сберегая, позаботиться о Божьемъ домѣ; всѣ три церкви до того развалились, что службу остановили. Вотъ и согрубили васильцы передъ Господомъ и каются теперь. Что ни дѣется на свѣтѣ, все по грѣхамъ нашимъ. За беззаконіе и встарь погибали и нынѣ погибаютъ, да, вишь ты, не вѣримъ. Господь долго терпитъ, да больно бьетъ. Вотъ послушайте бывальщину:

Въ Олонецкой губерніи, въ глухомъ бору, среди такого болота, что лѣтомъ, почитай, ѣзды туда не было, стояли рядомъ двѣ деревеньки; одна-таки коренная была, а другая выселокъ изъ нея, какъ стало тѣсно. Поляна выдалась чистая, сухая, травная, водопускъ гребнемъ шелъ поперекъ, по серединѣ, и только тутъ по немъ и были каменья; а то все хорошая земля, хоть и не такъ много ея было; да тамъ, братъ, и клокъ доброй земли въ диковину. Одна деревня, на изволокѣ, по одну сторону водопуска, другая по другую; изъ одной, черезъ гребень, только видѣнъ крестъ

деревянной церковки, которая стояла по ту сторону ската. То коренное село было, а это выселокъ. Вотъ какъ разселились мужички мои на этомъ привольѣ, да какъ принялись бабы рожать дѣтей - оно и опять тѣсно стало, и земли маловато, пришлось искать промысла. Питеръ подъ бокомъ, заработки есть; стали ребята туда ходить, и сталось такъ, что изъ этихъ деревень пошли все столяры да конфетчики. Такъ и завелось: старики да бабы пашутъ, а молодцы всѣ въ Питерѣ, въ конфетчикахъ да въ столярахъ; а черезъ годъ либо два идутъ домой съ денежками, на поправу хозяйству; а побывавъ дома, опять въ Питеръ. Эта шатущая жизнь ихъ, видно, и поразбаловала, и вышло много ребятъ разгульныхъ и пропойныхъ.

Вотъ какъ-то по осени и воротилось ихъ домой изъ Питера много; пришли ватагой, Богу не помолились, а за вино, за пѣсни да пляски. Деньги съ ними были, - вотъ и задумали складчиной погулять. Оно, конечно, попировать и погулять, послѣ долгой отлучки, можно, отпраздновать, то

есть, благополучный приходъ, и, пожалуй, угостить деревенскую братію, да знай часъ и мѣру и время; а они затѣяли это въ господень праздникъ, да съ утра: попъ въ колоколъ, а они за ковши. Собрались они всѣ въ одну деревню, въ село то есть, въ ту, гдѣ стояла церковь, и всѣ забились въ одну избу. Пошла у нихъ попойка такая, что дымъ коромысломъ: празднословятъ, богохульствуютъ, перепились, себя не помнятъ, - а въ церкви, насупротивъ, служба идетъ. Соблазнили, окаянные, весь міръ: всѣ, вишь, обрадовались приходу своихъ, никому не захотѣлось отстать отъ попойки - такъ церковь и осталась пустою. Какъ заблаговѣстили къ достойной, то у нихъ шумъ и крикъ поднялся пуще прежняго, инно въ церкви слышно стало, и самъ священникъ, смущаемый соблазномъ великимъ, оглянулся въ ту сторону, откуда слышались крикъ и пѣсни....

Въ это самое время вошелъ въ избу къ пирующимъ незваный гость, не прошеный, съ кѣмъ дай Богъ вѣкъ не встрѣчаться и въ быляхъ его не поминать: мохнатый, черный,

какъ есть, съ рогами, со змѣинымъ хвостомъ, - вошелъ и наготы своей не прикрылъ; только что большой порожній мѣшокъ у него подъ мышкой: не морочить, стало быть, пришелъ, а ужь прямо за своимъ дѣломъ, съ обухомъ. Пришелъ, да и сталъ въ дверяхъ. Мужики мои, пьяны, не пьяны, а всѣ отрезвились; хотятъ крестъ сотворить, покаяться, анъ ужь и рука не подымается: больно врасплохъ ихъ сердечныхъ застали. Вотъ онъ и сталъ считать ихъ: это мой, говоритъ, первой, и другой мой, и третій мой, а на котораго пальцемъ укажетъ, тотъ и сидитъ, только головой мотаетъ да глазами хлопаетъ, а ужь безъ рукъ, безъ ногъ, безъ языка. Пересчитавъ всѣхъ, досталъ онъ изъ-подъ мышки мѣшокъ, встряхнулъ его, да взялъ вотъ этакъ въ лѣвую руку, а правой рукой и пошелъ хватать ихъ да сажать въ мѣшокъ; возьметъ за голову, ровно кочерышку приподыметъ съ мѣста, да живьемъ его въ мѣшокъ, а какъ, слышь, приподыметъ котораго, то руки да ноги ровно плети болтаются....

- А кто жь тутъ чужой есть? сказалъ онъ, осерчавъ: - не нашимъ духомъ пахнетъ?

А на печи сидѣла дѣвочка хозяйская, годовъ десяти. Она прижалась, ни жива, ни мертва; а какъ только заревѣлъ онъ, что кто-то чужой есть, то она, перекрестясь, какъ мать учила, да кубаремъ съ печи, да въ окно, да давай Богъ ноги, что есть духу, безъ оглядки, прямо по дорожкѣ бѣжитъ, и сама не знаетъ, не понимаетъ куда, сама читаетъ Богородицу, хоть ужь не всю, а сколько знала.... за собою слышитъ она грохотъ, стукъ, голоса, крикъ, визгъ, хохотъ.... не оглядывается бѣдняжка, а бѣжитъ, что есть духу, да, перевалясь черезъ водопускъ, все прямо, и, прибѣжавъ въ ту деревеньку, упала замертво.

Сошлись люди, сбѣжались сосѣди, кто не былъ у обѣдни, подняли дѣвочку - черезъ силу могла выговорить, что съ нею сталось. Слушая ее, нехотя люди стали оглядываться на гребень, на село, да и дивуются: какъ такъ? не видать за горой церкви; куда она дѣвалась? Вышли на

гребень - нѣтъ деревни, нѣтъ ничѣмъ-ничего. Паръ либо дымъ киселемъ стоитъ на томъ мѣстѣ. Сдивовался народъ, крестится, стоитъ и смотритъ: что это будетъ?

Сталъ туманъ прочищаться, а по срединѣ объявилась гора. Стоитъ вотъ будто споконъ-вѣку, а ея не было прежде никогда. На горѣ сидитъ черный пѣтухъ; онъ захлопалъ крыльями, прокричалъ трижды и пропалъ. Прочистился наконецъ туманъ: и мѣста не знать, гдѣ деревня стояла; гора на этомъ мѣстѣ, а вокругъ горы, кольцомъ, разлилось озеро, а вкругъ озера болото. Такъ они, мужики мои, поглядѣли, развели руками и пошли по домамъ.

Деревня пропала, а къ горѣ и къ озеру нѣтъ приступу: болото лѣтомъ не пересыхаетъ, зимою не замерзаетъ. Пѣтухъ повременамъ сидитъ на вершинкѣ, на горѣ, когда туманъ разстилается понизу, только молчитъ, не хлопаетъ крыльями, не кричитъ. Въ праздники Господни, въ иную пору, слышенъ звонъ колокола на озерѣ, то

ровно по покойнику перезваниваетъ, то къ обѣднѣ благовѣстятъ, - а какъ зазвонятъ къ достойной, то озеро и забушуетъ и забурлитъ.... послѣ опять все утихнетъ, будто ничего не бывало. Сказываютъ, что и колоколъ ину пору, по ночамъ, на берегъ выкатывается и опять уходитъ на дно; сказываютъ, будто вся гора на озерѣ пловучая и что вѣтромъ подгоняетъ ее то ближе къ одному берегу, то къ другому; сказываютъ еще, будто разъ какъ-то молитвами проходящаго инока церковь стала было подыматься и крестъ уже выказался изъ воды: тогда пѣтухъ опять появился на горѣ, а гора поплыла на то мѣсто, гдѣ выказался крестъ, и накрыла все.... съ тѣхъ поръ никто болѣе ни церкви, ни креста не видалъ; а только послѣ сильной бури озеро выкидываетъ на берегъ, что выбьетъ водой изъ потонувшаго села, со дна озера: черепья, ночвы, деревянныя ложки, берестянки, туески, обечайки. А изо всего села этого никто не спасся, ни одна душа, кромѣ этой дѣвочки.